

ЭПИСТОЛЯРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК СПОСОБ ВОСПИТАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ (на примере знаковых немецкоязычных писем)

Мальцева Александра Сергеевна

студентка факультета немецкого языка,

Нижегородский государственный лингвистический университет

имени Н.А. Добролюбова

(г. Нижний Новгород, Российская Федерация)

e-mail: alexandra.maltseva.lunn@yandex.ru

В условиях дигитализации эпистолярный жанр частного письма переживает упадок. В связи с этим мы предлагаем возможные способы интеграции эпистолярного наследия в культурную жизнь общества с целью его изучения для сохранения духовности современного человека. Ценность эпистолярной коммуникации обуславливается её лексическими, грамматическими, стилистическими и лингвокультурными особенностями и позволяет обучающемуся сформировать индивидуальную языковую личность.

Ключевые слова: эпистолярный, эпистолярная коммуникация, эпистолярный жанр, межличностная коммуникация, коммуникативная ситуация

Epistolary genre of private correspondence is suffering through the conditions of the digitalised world. In connection with it we propose integrating the practicable methods of studying some examples of epistolary correspondence for improving cultural quality of life and saving modern people's spiritual skills of thinking. The purpose of the article is to pass upon the examples of prominent German-speaking personalities' epistolary correspondence and value the worth of epistolary communication for modern people.

Keywords: epistle, epistolary communication, epistolary genre, interpersonal communication, communicative situation

Эпистолярный – частный речевой текст, реализующий себя в форме письма, – в привязке к поджанру личного письма постепенно уходит из нашей жизни. Расширение функций устной речи пропорционально сокращает потребность в письменном межличностном общении, что, однако, не лишает современного человека способности воспринимать сам термин «эпистола» как элемент духовной культуры прошлого, с которой он чувствует тесную лингвоисторическую связь и к которой он стремится для самоидентификации в культурном пространстве.

Частное письмо, содержащее в себе многообразие возможностей исследования, позволяет читателю осмыслить реализацию художественных языковых средств в коммуникативной ситуации, напрямую связанной с нашей бытностью. Письмо репрезентует «живой» язык на одном из этапов его развития, и, таким образом, представляет особый интерес для его изучения сегодня с психолингвистической, лингвистической, культурологической, исторической сторон, а также со стороны сравнительного языкознания и теории языка.

Ввиду **когнитивно-дискурсивной [1] парадигмы лингвистического знания**, феномен межличностной коммуникации в лингвистике, в том числе письменное общение, становится средством реконструкции национальной картины мира в этнокультурном сознании носителя [3], что свидетельствует о моделировании жанровой картины мира, обладающей высокой степенью концептуальной насыщенности.

Поддерживая исследование А. В. Курьянович [2], мы проиллюстрируем спектр возможностей анализа эпистолярия на примере прецедентных текстов **личных писем** немецкоязычных личностей, таких как Мартин Лютера, Фридрих Клопшток, Рихард Вагнер, Отто фон Бисмарк, Франц Кафка и Райнер Мария Рильке [4]. Использование текстов данного типа способствует расширению сведений о жанрово-стилевой системе русского и – в нашем случае – немецкого языков, знакомит с различными видами писем как типов текста; воспитывает языковую личность и развивает познавательную активность [2].

Происходит знакомство с **лексическими особенностями**, характеризующимися широким использованием изобразительных средств речи. Изучение таких особенностей позволяет обрести понимание семантики слова и его соотносительности с определёнными временными границами и коммуникативной ситуацией. Так, в письмах Мартина Лютера мы можем увидеть на сегодняшний день уже **устаревшие языковые формы** ранневерхнемецкого языка (XIV–XVI вв.), где вместо *sonst* («в противном случае») употребляется *sunst* – старая форма написания; предлог *für*+*Akk.* («для», употребляющийся с винительным падежом) используется с дательным падежом; используется устаревшее устойчивое выражение *Gott befohlen* («с божьей помощью»): ***Sunst komme ich für dem neuen Bier nicht wieder Hiermit Gott befohlen, samt unsre Jungern und allem Gesind.***

В письмах Ф. Клопштока (1) и Ф. Кафки (2) активно используются **разговорные выражения и просторечия**: (1) *Das war ein sehr närrischer Einfall! ...und also kann ich ja wohl damit machen, was ich will.* (2) *Aber eben deshalb will ich nicht wissen <...> denn es wirft mich durcheinander...; Da möchte man sich vor den Kopf schlagen.*

Используются **многозначные слова и выражения**, например: (3) “... *wo die nun schon Vorangegangenen um unsere Liebe herum sein werden...*” (и где все, кто попал туда ранее, не мешают нам любить) (Ф. Клопшток), где грамматическая форма *um ... herum* хотя и описывает нахождение «вокруг» любви, однако может трактоваться и как причастность к этой любви, так и наоборот – невмешательство в любовь двоих и их обособленность. У Р. Рильке: (4) *Ach, meine Freundin, ich träum’s ja nur; einmal lassen Sie mich’s erfahren, allein mit Ihnen – die Begriffe, die noch keinen Namen haben, sind ja wohl die künftigen und sichersten...* Прилагательное *allein* в приведённом контексте может отражать разные уровни связи между коммуникантами и переводиться и как «наедине с Вами» и как «с Вами одной».

Исследование **морфологических особенностей** позволяет сложить представление о грамматической системе и особенностях языка настоящего и прошлого. Используются **окказионализмы** и **экспрессивные аффиксы**. Так, М. Лютер подписывает письмо, используя латинский продуктивный суффикс (5) *-us*: *Martinus Luther*. Ф. Клопшток, обращаясь к возлюбленной, прибавляет к её фамилии уменьшительно-ласкательный суффикс (6) *-in*: *allerliebste Schmidtin*. Сам псевдоним Рильке – (7) «Райнер», тоже своего рода окказионализм, произошедший от глагола *rainen* («межевать», «отделять»). В письме к Магде фон Хаттингберг Р. Рильке называет её (8) Бьенвенутой (от ит. *Benvenuta* – «добро пожаловать»), переводя этикетное междометие в разряд имен собственных.

На **синтаксическом уровне** художественная речь вбирает в себя синтаксис разговорной речи, которой свойственны нестройность, сбивчивость, частые повторы и уточнения. Возможно использование всех типов предложений, используется инверсия, несобственно-прямая чужая речь без использования конъюнктива, частые обращения и вводные конструкции. При рассмотрении особенностей данного уровня обучающийся знакомится со всем многообразием построения предложения и текста. Например, повторы, дополнения, уточнения, нестройность речи: (9) *Ich habe Deinen Brief Deinen lieben Brief...*; (10) *So kam es zu diesem hässlichen Brief von neulich, der, aus der Abgeschlossenheit, aus der ungewohnten und unerträglichen Alleinheit meiner Erlebnisse kaum herausfinden konnte...*; (11) *Man geht, geht, fährt, fährt...* (Р. Рильке).

Стилистически художественная речь использует все лингвистические ресурсы и насыщена тропами и фигурами, то есть использует художественно-образную речевую конкретизацию, высокую степень образности, языковую неповторимость и авторскую индивидуальность, отклонение от структурных норм языка, обусловленное художественной актуализацией, то есть

выделение основной идеи. Анализ особенностей такого рода формирует эстетический вкус и индивидуальный языковой стиль обучающегося. Например, **аллегория** (12): *so verspreche ich Dir, dass wir einst spät wie Daphnis und Daphne sterben wollen* (Ф. Клопшток); и **эвфемизм** (13): *Während der Ehe ging ihr Mann ein Verhältnis mit der Haushälterin ein... ; Nach zwei gemeinsamen Reisen nach Russland, Lous Heimat, im Sommer 1899 und 1900, ging Lou auf Distanz zu Rilke...* (примечание к письмам Р. Рильке) и проч.

Осуществляя анализ эпистолярного текста, нельзя игнорировать его **лингвокультурные особенности**. Такие особенности по своей природе хотя и связаны с «внешним», экстралингвистическим контекстом, встречаются непосредственно в тексте оригинала, в то время как экстралингвистические характеристики, воздействуя на текст, могут относиться к нему лишь косвенно. Изучение таких особенностей формирует фоновые знания об исследуемом предмете. Так, в письме М. Лютера от 2 июля 1540 года встречается фраза (14): *...ich esse wie ein Böhme und saufe wie ein Deutscher...* («я ем как богемец и пью точно немец»). «Богемцами» в средневековой Европе называли жителей Богемии (территория современной Чехии), особо сильно заселённой цыганами, ведущими голодный, неприкаянный образ жизни. Понятие «богемец» с течением времени сузилось в своём этимологическом значении, став синонимичным только понятию «цыган», а в XIX веке расширилось: оно определяло класс творческих деятелей с нестабильным доходом вне зависимости от их национальной принадлежности. Таким образом, М. Лютер, прибегая к приёму **прономинации**, сравнивает себя с голодным богемцем.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что эпистолярный жанр сегодня модифицируется, адаптируясь к условиям цифровизации, что, однако, едва ли позволяет говорить о его «втором рождении». Пожалуй, одной из задач современной лингвистики является **интеграция эпистолярного наследия в культурную жизнь общества** с целью его изучения для сохранения духовности человека.

Список литературы

1. Кубрякова, Е. С. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М., 2004.
2. Курьянович, А. В. О роли эпистолярных текстов в развитии коммуникативной компетентности школьников / А. В. Курьянович // Научно-педагогическое обозрение. – Томск, 2013. – Вып. 2.
3. Рудакова, А. В. Когнитология и когнитивная лингвистика / А. В. Рудакова. – Воронеж, 2002.
4. Anders, S. Liebesbriefe großer Männer / S. Anders, K. Maier. – 9. Auflage. – Marixverlag, 2001. – 254 S.